

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

К.Д. Скрипник

МЕТАФИЛОСОФИЯ ФИЛОСОФСКИХ «ПОВОРОТОВ»: НЕСКОЛЬКО ПРИМЕРОВ НА ОДНУ ТЕМУ*

Скрипник Константин Дмитриевич – доктор философских наук, профессор. Южный федеральный университет. Российская Федерация, 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, д. 105/42; e-mail: skd53@mail.ru

Цель статьи – рассмотрение феномена философского «поворота» в каркасе дескриптивной метафилософии. На примере аналитического, лингвистического, прагматического и онтологического поворотов предпринимается попытка выделения характерных черт «поворотов». Автор показывает, что аналитический поворот связан с развитием методов философии, в первую очередь с диверсификацией самого понятия анализа. Рассмотрение лингвистического поворота приводит к положению о том, что характеристика его как изменения предмета философии не является вполне адекватной – на деле это изменение методов философского анализа, которое приводит к появлению новых проблемных областей не только в философии, но и в лингвистике. Для прагматического поворота характерно акцентирование роли прагматизма в преодолении сложившейся оппозиции аналитической и континентальной философии за счет использования как логических, так и, скажем, аксиологических методов или «прагматической максимы значения». Онтологический поворот, характерный для антропологии, философии техники, равно как и для «общей» философии, связан с изменением методов анализа в направлении решения задачи увидеть «вещи по-новому» и так, как «они есть на самом деле». Анализ в случае онтологического поворота направлен не столько на «мультикультурализм», сколько на «мультинатурализм», на учет активной роли предмета и построение исследовательских моделей, способных это учитывать. Заключение положение автора состоит в том, что «поворот» – это такое изменение методов исследования, которое ведет к формированию новой предметной области и формулированию новых проблем. Они, в свою очередь, стимулируют очередной «поворот» и разработку новых методов и методологий.

Ключевые слова: поворот в философии, аналитический поворот, лингвистический поворот, прагматический поворот, онтологический поворот

Для цитирования: Скрипник К.Д. Метафилософия философских «поворотов»: несколько примеров на одну тему // Философский журнал / Philosophy Journal. 2023. Т. 16. № 3. С. 55–68.

---

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00023, <http://rscf.ru/project/23-28-00023>

Введение

Одним из вариантов трансформации философии является «поворот», который может происходить в философии в целом или в отдельной философской традиции, только лишь в философии или во всей гуманитарной мысли. Так, говорят о культурном онтологическом, лингвистическом, спекулятивном, иконическом, теологическом, перформативном, медиальном, антропологическом, риторическом, нарративном, пространственном, прагматическом, семиотическом и иных поворотах. Иногда понятие поворота относят к событиям прошлых веков, как коперниканский поворот, иногда лишь к двадцатому веку; число «поворотов» проявляет явную тенденцию к увеличению, сопровождаемому возрастанием путаницы, многосмысленности, терминологической неразберихи, смешению «буквальных» и метафорических способов изъяснения, философских и метафилософских исследований.

Если ситуация «поворота» действительно характерна для состояния философии (прежде всего в XX в. и далее), то требуется особое метафилософское (для начала – в рамках описательной метафилософии) внимание к таким вопросам, как причины данного явления, наличие у его вариантов общих характеристик, взаимосвязь философских поворотов с поворотами в иных областях знания.

Ограничимся здесь лишь несколькими наиболее репрезентативными примерами, представление которых позволит предложить «абрис» последующей работы.

Пример 1. Аналитический поворот: диверсификация анализа

Начало аналитического поворота было положено, как известно, Б. Расселом и Дж. Муром; для одного «вещь становится понятной только тогда, когда путем анализа открываются составляющие ее понятия»¹, другой позже признавался, что «с тех пор как я отказался от философии И. Канта и Г.В.Ф. Гегеля, я искал решения философских проблем с помощью анализа, и я по-прежнему твердо убежден, несмотря на некоторые современные тенденции к обратному, что прогресс возможен только путем анализа»². Речь идет о декомпозиционном анализе – процессе разложения предмета исследования на составные его части. Практически одновременно с ним формируется метод концептуального анализа – выделение процедур, реализующих «общее» рассмотрение понятий или концептов, их «анатомирование, реконструкцию и конструирование».

Позже, с появлением теории дескрипций, формируется иной тип анализа, трансформационный, или объясняющий (иногда говорят об этом виде анализа как о перефразировании). Хотя его корни могут быть обнаружены уже у Аристотеля, в его окончательном виде трансформационный анализ был сформулирован и использован Г. Фреге. Для Рассела трансформационный анализ усиливал анализ декомпозиционный, поскольку выявлял действительную логическую форму анализируемого предложения, что, в свою очередь, позволяло яснее и прозрачнее анализировать компоненты предложения³.

¹ Moore G.E. The Nature of Judgement // Moore G.E. Selected Writings. L., 1993. P. 8.

² Russell B. My Philosophical Development. L., 1959. P. 14.

³ Levine J. Analysis and abstraction principles in Frege and Russell // The Analytic Turn. Analysis in Early Analytic Philosophy and Phenomenology. N.Y.; L., 2007. P. 51-74;

Большая часть философов аналитической традиции поддерживала идею анализа как парафраза, способного выявить реальное значение предложения, скрытое за его грамматической формой. Однако эта задача может быть выполнена по-разному. Р. Карнап вначале перефразирует так называемые «псевдообъектные» предложения, которые на первый взгляд говорят об объектах, но анализ показывает, что это предложения о словах. Подобные предложения, по его мнению, характеризовали «многие вопросы и предложения, относящиеся к исследованию того, что называется философскими основаниями». Когда разговор идет об интерпретации действительно синтаксического предложения, надо знать и учитывать, о синтаксисе какого языка идет речь – синтаксисе любого языка вообще, синтаксисе языка определенного типа, синтаксисе языка современной науки и т.д. Позже Карнап меняет точку зрения, признав произвольность постановки вопросов в том смысле, что каждый волен задавать их на своем языке, утверждая, что подобный язык должен быть точно и прозрачно задан, в нем должны быть и правила для конструирования предложений, и правила для их проверки, иными словами, перефразирования происходят на синтаксическом и семантическом уровнях.

В кембриджской школе устанавливается различие между декомпозиционным и трансформирующим анализом, позволившее сформулировать «редуктивный» вид анализа, направленный на выявление лежащих в его основе онтологических предпосылок, тем самым анализ «перерастает» логический статус, становясь философским, или «метафизическим».

Развитие анализа проходит в нескольких направлениях: в отходе от редукционистского анализа в пользу менее «жестких» аналитических процедур, как это было в программе экспликации Карнапа, в появлении новых видов – «соединительного» (коннективного) анализа, появившегося в работах К. Льюиса, П.Ф. Стросона или Д. Дэвидсона или анализа как концептуального прояснения у Л. Витгенштейна. Коннективный анализ предназначался для замены как декомпозиционного, так и редуктивного, и был направлен на описание некоторых фрагментов концептуальных схем, связанных с установлением связей между анализируемым понятием и предшествующими или просто связанными с ним понятиями, анализ которых уже осуществлен. Коннективный анализ выстраивает «сеть» логических следствий, импликаций, сравнений и диссонансов, контекстуальных и иных зависимостей между понятиями для разрешения философских проблем, ликвидации заблуждений и иллюзий⁴. Центральное место занимает трансформационный анализ (особенно в «классической фазе» аналитической традиции), для которого основным является допущение, что утверждения должны быть переведены (трансформированы) в правильную логическую форму до того, как будет произведен их декомпозиционный или регрессивный анализ⁵.

Аналитический поворот связан с развитием различных видов анализа, с применением их к многообразным философским проблемам, пониманием зависимостей между отличающимися видами анализа; не в меньшей степени он направлен на то, чтобы анализ использовался для выявления

Beaney M. Conceptions of analysis in the early analytic philosophy and phenomenological traditions: some comparisons and relationship // Ibid. P. 196–216.

⁴ Strawson P.F. Analysis and Metaphysics. An Introduction to Philosophy. Oxford, 1992.

⁵ Coffa J.A. The Semantic Tradition from Kant to Carnap: to Vienna Station. Cambridge, 1991.

онтологических или метафизических допущений, которые подразумеваются в нашем использовании языка. Это объясняет утверждение о том, что аналитический поворот «породил» лингвистический поворот.

Пример 2. Лингвистический поворот: развитие метода или изменение концепции

«Лингвистический поворот» связан с особым вниманием к роли языка в решении философских проблем. Принято считать, что «поворот» был реализован в первую очередь в каркасе аналитической философии в ходе формирования новой предметной области – философии языка. Однако изначально лингвистический поворот характеризовался введшим его в философский контекст Г. Бергманом как определенного сорта «методологический гамбит», заключающийся в том, чтобы говорить о мире на приемлемом, подходящем языке. Иными словами, понятие лингвистического поворота включает в себе по меньшей мере два понимания.

Понятие «лингвистического поворота» вновь появляется у Р. Рорти⁶. Сохранив бергмановские линии лингвистического поворота, Рорти понимал, что характеристики Бергмана весьма далеки от адекватного воспроизведения сложившейся ситуации и характеристик лингвистического поворота. Он характеризует ситуацию с лингвистической философией как «самую современную философскую революцию», связанную с тем, что философские проблемы могут быть разрешены либо с помощью реформирования языка, на котором эти проблемы формулируются, либо с помощью более глубокого и точного понимания используемого языка. Утверждается положение, согласно которому философские проблемы лежат в ведущих к искажению или вообще неадекватных формах естественных языков. М. Даммит делает еще более серьезное утверждение о том, что лингвистический поворот является решающим моментом в рождении аналитической традиции и отделяет данную традицию от всех других, для него философия языка – основание философии в целом.

Указанная выше оппозиция продолжает свое существование: лингвистический поворот стал началом формирования лингвистической философии, которая отвергает «традиционную» философскую проблематику, предлагая в качестве предмета философского исследования язык (обычный или искусственный). Изменение предмета философии требует разработки, введения и использования специфических методов исследования. Второй стороной оппозиции является положение, согласно которому лингвистический поворот есть введение новых оригинальных исследовательских методов, позволяющих решить, «продвинуть» или «растворить» традиционные философские проблемы, включая проблемы идентификации и преодоления философских затруднений, ошибок и заблуждений. Само «выражение “лингвистический поворот” полезно для указания на важный сдвиг в метафилософской рефлексии и в философской методологии, который возник в 1920-х годах»⁷. Одновременно обсуждается вопрос о том, характерен ли лингвистический поворот только для аналитической философии или же для

⁶ The Linguistic Turn: Essays in Philosophical Methods with Two Retrospective Essays. Chicago, 1967.

⁷ Hacker P.M.S. The Linguistic Turn in Analytic Philosophy // The Oxford Handbook of the History of Analytic Philosophy. Oxford, 2013. P. 926–947.

философии в целом; первая часть вопроса порождает следующий вопрос: предшествовал ли лингвистический поворот формированию аналитической философии или произошел гораздо позже.

Даммит полагает, что лингвистический поворот характерен лишь для аналитической философии и является ее фундаментальной аксиомой, когда философия мышления (у Даммита – «philosophy of thought»; Даммит использует его в значении, отличающемся от выражения «philosophy of mind») отождествляется с философией языка. Однако аналитическая философия гораздо шире проблем философии мышления; в положениях Даммита остается не вполне ясным, как именно достигается нужное объяснение языка, о чем, собственно, идет речь: о том ли, что философское объяснение языка выступает методом объяснения мышления или о том, что некая философская концепция языка выступает основой для построения концепции мышления. Поясню эту мысль по-иному: прежде чем произвести формализацию некоторой концепции (некоторого языка или содержательной теории), необходимо произвести достаточно подробное синтаксическое и семантическое ее прояснение, выявленные содержательные характеристики будут отражены в формальной/формализованной теории. Идею Даммита правильнее будет понять, если подчеркнем, что его характеристика лингвистического поворота связана с доминирующей ролью Фреге, которым, по его словам, «...был окончательно основан... собственный предмет философии». Если для Фреге естественный язык не представлял специфического интереса, то Даммит подчеркивает роль кванторной логики в генезисе аналитической философии, поскольку она обеспечивает тот технический аппарат, который необходим для корректного и адекватного анализа мышления, выраженного в естественном языке. Все становится на свои места: анализ мышления возможен, если будет анализироваться то, как мышление выражено в естественном языке, а для анализа последнего используется логика кванторов; в этом случае основной акцент делается на методе анализа языка (не на концепции языка), в качестве которого используется кванторная логика.

И хотя точка зрения Даммита не бесспорна, ясно, почему он говорит о лингвистическом повороте именно в аналитической традиции. Несмотря на то, что интерес к языку проявляли и философы, принадлежащие традиции континентальной философии, они не подчеркивали возможности, предоставляемые кванторной логикой, в силу чего язык представлял для них не метод, но, скорее, область исследований наряду с иными предметами и проблемами философии.

Иной «тренд» заключается в том, чтобы вести речь о «лингвистических поворотах», а не об одном «повороте», подразумевая под «поворотами» некоторые «вехи» на пути формирования философии языка. В качестве первой такой вехи отмечается «Опыт о человеческом разумении» Дж. Локка, в котором совершается действительный поворот философии к естественному языку. После работы Локка формируются две тенденции: одна, ведущая к исследованиям формальной структуры естественного языка, берет свое начало у Г.В. Лейбница, другая, начинающаяся с Э.Б. де Кондильяка, в качестве фокуса своего внимания выбирает различные эмпирические проявления языка, в первую очередь изучая язык как форму человеческого поведения. Прочими «вехами» являются работы В. Гумбольдта, Дж.С. Милля, Ф. де Соссюра, Фреге и далее до Дэвидсона и Ж. Деррида. Философия языка есть проявление и результат

интереса к естественному языку, к тому, как он *per se* становится объектом философского исследования.

Изучение языка может выступать как средство и метод для исследований ряда философских проблем, но может и формировать собственную концептуальную область, при этом осознается их взаимозависимость: языковые методы способны формировать новые концептуальные области, а последнее, в свою очередь, способствует выработке новых методов, методологий и «технологий». Язык может быть представлен как относительно статичная и систематичная структура или как изменчивый продукт динамической лингвистической деятельности.

П. Хакер⁸ утверждает, что лингвистическому повороту предшествует «логицистский поворот», появившийся еще в середине девятнадцатого века и связанный с развитием логических исчислений и попыткой логического обоснования математики. Если полагать, что лингвистический поворот связан с интересом к языкам формального исчисления и исследованию подобных языков и так называемого идеального языка, с теоретико-доказательственным подходом к логике, то можно считать, что лингвистический поворот был совершен задолго до Фреге. Лингвистический поворот связывается с тем, что в работах Витгенштейна «срачиваются» предшествующий логицистский поворот и собственно аналитическая философия; философия понимается как «критика языка», когда язык выступает не как область исследований, а как метод «выражения», представления философских проблем. Базовые характеристики лингвистического поворота связываются Хакером с методологической их ролью и тем, что *Tractatus* положил только начало данному движению, которое было окончено работами Витгенштейна 1930-х гг., Венским кружком и кембриджскими аналитиками.

Не соглашусь с тем, что движение завершилось – на протяжении примерно четверти века после Второй мировой войны центром аналитической философии становится Оксфорд, и движение находит свое выражение в работах Г. Райла, Стросона, Ф. Вайсмана, Э. Энском, Дж. Остина, Г.П. Грайса и других. Практически для них всех была ясна важность методологических идей и метафилософских рассматриваний, предпринятых ранее в данной традиции: главным источником философских проблем для оксфордцев были вводящие в заблуждение формы естественного языка, задачей философии они считали прояснение понятий и концептуальных структур, которые помогли бы разрешить или разрушить, ликвидировать философские проблемы. Методом же достижения этих целей является дескриптивный анализ использования (слов) языка.

Райл характеризует свой метод как метод «логической географии», когда составляется карта понятий, находящихся друг с другом в отношениях следования, совместимости, несовместимости. Для Остина методом исследования становится то, что он называет «лингвистической феноменологией»; Грайс, подчеркивая методологический подход Остина, утверждает, что «в качестве основания философского мышления необходима пристальная проверка детальных характеристик обычного дискурса»⁹, называя иногда подобный метод «лингвистическим ботанизированием», методом, сходным с теми, что принимаются в ботанике, когда производится

⁸ Hacker P.M.S. Wittgenstein's Place in Twentieth Century Analytic Philosophy. Oxford, 1996.

⁹ Grice H.P. Reply to Richards // Philosophical Grounds of Rationality. Oxford, 1988. P. 52.

«проверка семейства различных, но соотносимых понятий». Их продвижение после «поворота» открыло новые исследовательские области не только в философии, но и в области лингвистики, в работах по теории речевых актов (ТРА) и логической прагматике, теории аргументации, теории и техники креативного мышления.

Пример 3. Прагматический поворот: третья сторона или возможность синтеза

В 1970-х гг. прошлого столетия расцветает философский и логический прагматизм, рожденный «в браке между логическим позитивизмом и американской прагматической традицией»¹⁰. Изначально прагматизм понимался как метод для прояснения понятий, концепций, гипотез, способов размышления; У. Джеймс представлял его как «метод разрешения метафизических споров, которые в противном случае могли бы быть бесконечными»; согласно Ч.С. Пирсу, метод заключается в том, что, например, гипотеза уточняется, если определяются те практические последствия, которые могут иметь место в случае, если гипотеза верна.

Распространенным, если не решающим, мнением является то, что после «прибытия» европейских аналитических философов на американский континент прагматизм достаточно быстро «сошел на нет», не сумев ответить на критику в свой адрес. Подобная точка зрения ошибочна; в дискуссиях по проблемам природы истины, существа знания, характера и теоретического воспроизведения действия, смысла прагматические тезисы активно обсуждались и продолжают обсуждаться в работах самых ярких философов второй половины XX в. Прагматизм остается влиятельным философским движением, мало того, отстаивается точка зрения, согласно которой история философии прошлого столетия адекватно должна характеризоваться не посредством дихотомии аналитической и континентальной философии, а наличием трех философских традиций – аналитической, континентальной и прагматической. Прагматизм во второй фазе своего развития трансформировался (у Рорти и Д. Уэста) в определенную континентальную форму и одновременно (у У. Куайна и Х. Патнэма) – в более аналитическое разнообразие.

В чем же тогда может заключаться и заключается прагматический поворот в философии, который в этой последовательности может быть назван третьей фазой¹¹? Нередки утверждения, что прагматический поворот был совершен Куайном, по меньшей мере об этом свидетельствует известная статья Э. Геллнера «Последний прагматик». Из возможных вариантов представляется наиболее привлекательным тот, который связывает его с возможными преимуществами прагматизма перед двумя другими, находящимися в состоянии оппозиции друг к другу – аналитической и континентальной философиями. Преимущество прагматизма связано с различными моментами: прагматизм может быть представлен как посредник и примиритель

¹⁰ Hacker P.M.S. The Linguistic Turn in Analytic Philosophy. P. 937.

¹¹ Подобная типология не является единственно возможной. Так, С. Пильстрём выделяет целых шесть этапов в развитии прагматизма, а по мнению С. Ральстона, «совершенный в начале двадцатого века поворот в сторону лингвистической философии конституирует лишь момент в рамках более широкого прагматического поворота в истории философии» (Ralston S.J. The Linguistic-Pragmatic Turn in the History of Philosophy // Human Affairs. 2011. Vol. 21. Issue 3. P. 281).

между аналитической философией и феноменологией, а если эта роль может показаться сомнительной, то несомненно, что прагматизм является медиумом продуктивного диалога между двумя другими традициями. Не менее важно то, что «присутствие» прагматизма дает возможность представить философию двадцатого столетия как «многоголосие» соревнующихся, но тем не менее родственных традиций, а не как оппозицию¹². Благодаря обращению к идеям и классического прагматизма, и к их более позднему развитию формируется понимание неразделенности эпистемологии и метафизики, истины, значения и ценности, преимуществ отказа от принципиального разделения теоретического и практического разума, исторического характера всех концептуальных различий.

Важным моментом прагматического поворота является идея Мортон Уайта о том, что нельзя, подобно Куайну, ограничиваться исключительно философией науки – следует обратиться и к этике науки. Этические утверждения должны быть включены в тот каркас, который целостно оценивается на основе опыта, включающего и моральные оценки. Иными словами, предложения наблюдения и нормативные (этические) предложения не могут быть разделены; а если так, тогда подобные оценки требуют новых методов, не сводящихся к методам логического эмпиризма. Так, у Патнэма в результате понимания истины как нормативного понятия, связанного с практикой исследования не только науки, но и этики или политики, отсутствует строгое разделение между фактами и ценностями, в силу чего сами факты должны изучаться в ценностном аспекте человеческих целей.

Прагматический метод характеризуется «контекстуальным плюрализмом», заключающимся в том, что должны приниматься во внимание все практические результаты философской концепции, в решающей степени зависящие от контекста оценки самой концепции и получения ее результатов. «Прагматический метод, таким образом, является метаметодом, который может использоваться для оценки различных философских методов (например, концептуального анализа, феноменологической редукции, трансцендентальных аргументов или других методов исследования, которые философы защищали и использовали) и их “обещанного” результата и/или актуальности в различных реальных контекстах философского исследования. Соответственно, прагматический метод следует понимать не как конкурента этим другим философским методам, а скорее как метод, обеспечивающий контекст исследования, в рамках которого с учетом конкретных философских проблем может быть критически рассмотрена их специфическая эффективность»¹³.

Приведем пример Решера: можно с успехом применять евклидову геометрию в измерениях Земли. Но будет ли это означать, что физическое пространство действительно является пространством Ньютона, а не Лобачевского или Римана? Ответ отрицательный: просто мы проводим измерения в определенной схеме и ниже того порога, когда различия в возможных схемах будут давать о себе знать. До современной медицины в лечении

¹² *Baghramian M., Marchetti S. Pragmatism and the European Traditions: Encounters with Analytic Philosophy and Phenomenology Before the Great Divide.* Oxford, 2017; *The Pragmatic Turn in Philosophy.* N.Y., 2004.

¹³ *Pihlström S. Research Methods and Problems // The Continuum Companion to Pragmatism.* L.; N.Y., 2011. P. 49.

достаточно успешно применялись принципы Галена с его сложными сочетаниями жидкостей; теперь, в иной схеме, можно попытаться объяснить, почему получилось так, что медицинские средства Галена были терапевтически полезны. «Прагматизм – это вопрос реализации эффективных методов для достижения конкретных когнитивных целей, в частности классического квартета описания, объяснения, прогнозирования и контроля»¹⁴.

Подобно тому, как лингвистический поворот в философии дал толчок развитию иных исследовательских областей¹⁵, прагматический поворот оказал влияние на исследования в психолингвистике¹⁶, в философии литературы, философии историографии, философии гуманитарных наук в целом¹⁷ и когнитивной науке¹⁸.

Пример 4. Онтологический поворот: из антропологии в методологию философии

Онтологический поворот не представляет собой «школу» или «движение» – он скорее есть обязательство или набор обязательств пересмотреть уровень проводимого анализа, в какой бы области знания такой анализ ни проводился. Исходными областями знания, в которых проявился онтологический поворот, являются антропология, изучение науки и техники и философия. Онтологический поворот предлагает пересмотреть то привычное положение, согласно которому в философских, антропологических или иных исследованиях природа (мир в целом, материальные и природные объекты) неизменна, меняются репрезентации ее в различных культурах, потому что сами культуры отличаются одна от другой. Кажется бы, подобная точка зрения является вполне устоявшейся, принимаемой не только в указанных областях знания, но даже в физике, в которой меняющаяся в зависимости от точки зрения наблюдателя «картина» все равно представляет один и тот же мир. Иными словами, основным является вопрос о том, соотносятся ли наши репрезентации, описания, объяснения явлений с самими явлениями, и если да, то как именно. Дихотомия «мир и его репрезентации» находится в ряду подобных дихотомий – материи и сознания, объективного и субъективного, культуры и природы (натуры). Согласно одному из определений культуры, все, к чему человек «прикоснулся», является культурой, остальное – натурой. Но прикоснуться можно – и на деле так и происходит – по-разному, следовательно, возможно говорить о различных «культурах», соотносящихся с одной и той же «натурой». В определенной степени это и есть то, что называется «мультикультурализмом».

Онтологический поворот в качестве исходного принимает постулат, согласно которому могут быть разными миры, а не только их репрезентации,

¹⁴ Rescher N. Pragmatism in Philosophical Inquiry. Theoretical Considerations and Case Studies. München, 2016. P. 41.

¹⁵ Haack S. Five Answers on Pragmatism // Philosophical Investigations. 2018. Vol. 12. Issue 24. P. 1–14.

¹⁶ Dascal M., Françaço E. The Pragmatic Turn in psycholinguistics: problems and perspectivity // Theoretical Linguistics. 1988. Vol. 15. Issue 1–2. P. 1–24.

¹⁷ Pihlström S. Developing a pragmatic philosophy of the Humanities // Pragmatism Today. 2021. Vol. 12. Issue 2. P. 110–120.

¹⁸ The Pragmatic Turn. Towards Action-Oriented Views in Cognitive Science. Cambridge (MA); L., 2016; Steiner P. Pragmatism in Cognitive Science: from the Pragmatic Turn to Deweyan Adverbialism // Pragmatism Today. 2017. Vol. 8. Issue 1. P. 9–27.

мировоззрения. В качестве названия данного положения используется термин «мультинатурализм»¹⁹, когда Э. де Кастро описывает ряд индейских обществ в области Амазонки. Выстраивание отношений между миром (природой) и человеком (культурой) для индейцев происходит с ориентацией не на культуру в том смысле, что культура и взгляд на мир одни и те же для всех людей, – напротив, имеет место ориентация на природу, поскольку все люди обладают одним и тем же телом и в силу этого одним и тем же миром. Поскольку, скажем, у ягуара другое тело, то и мир другой: там, где мы видим логово, он видит дом, там, где видим кровь, он видит, скажем, пиво.

Де Кастро не одинок: данный подход поддерживается Р. Вагнером²⁰ и М. Стратерн²¹: работы этих трех авторов, принадлежащих французской, американской и британской традициям, составляют ядро онтологического поворота (в антропологии по меньшей мере); из более близких к нам по времени сторонников этого подхода следует назвать М. Холбраада²².

Холбраад полагает, что онтологический поворот выступает «в качестве отдельного аналитического метода», а в антропологии он должен быть понят как «строго методологическое предложение, то есть как техника этнографического описания... онтологический поворот – это методологическое предписание». С точки зрения Холбраада онтологический поворот включает в себя «три аналитические практики... а именно рефлексивность, концептуализацию и экспериментирование». Под «практиками», как становится понятно, имеются в виду совокупности методов, «семейства», образованные вокруг определенного метода; в другом месте такие практики характеризуются как «модусы» антропологического мышления. Под рефлексивностью понимается предписание быть внимательным к тому, что и как вы делаете, к тому, каковы онтологические условия того, какими могут быть вещи, то есть отказ от любых предварительных обязательств, установок, тем более – предубеждений. Концептуализация подразумевает внимание к теоретическому инструментарию (антропологии) – к процедурам объяснения, интерпретации и иным. Завершающим модусом является экспериментирование – хотя, по утверждению самих антропологов, практика антропологических исследований всегда была экспериментаторской. Хотя, казалось бы, дело антропологии в первую очередь наблюдать, на деле это наблюдение выстраивается так, что сам исследователь выступает в качестве инструмента, особенно если принимать во внимание, что он не просто наблюдает, а сочетает этот процесс с активным поведением – постановкой вопросов наблюдаемому, уточнением наблюдаемого, беседами и встречами с изучаемыми людьми. Экспериментирование в антропологии – не попытка добиться повторяемости результатов, а, напротив, стремление к учету разнообразия и получения неповторимых результатов.

Подобный подход не связан непосредственно с антропологическим взглядом – и иные дисциплины и исследования дают сходную, хотя и опо-

¹⁹ Viveiros de Castro E. Cosmological deixis and Amerindian perspectivism // Journal of the Royal Anthropological Institute. 1998. No. 4. P. 469–488.

²⁰ Wagner R. The Invention of Culture. Chicago, 1975.

²¹ Strathern M. No nature; no culture: The Hagen case // Nature, culture, gender. Cambridge, 1980. P. 174–222.

²² Holbraad M. Truth in motion: the recursive anthropology of Cuban divination. Chicago, 2012; Holbraad M., Pedersen M.A. The Ontological Turn. An Anthropological Exposition. Cambridge, 2017.

средованную картину. Так, по данным Дж. Лакоффа²³, в языке австралийских аборигенов дзырбал женщины отнесены к опасным предметам, потому что в мифологической картине мира (мифологическом мире) они отнесены к Солнцу (мужчины – к Луне), а в реальном мире Солнце относится к опасным вещам наряду, например, с огнем, копьем, стрелой или луком (потому что из него пускается стрела). В силу подобной категоризации можно понять, что мир аборигенов – совсем иной мир по сравнению с миром европейцев или миром, может быть, других племен. Именно это предполагается онтологическим поворотом: миры, как и мировоззрения, могут различаться. По словам П. Хейвуда²⁴, если раньше говорили, что культуры различаются тем, что имеются разные точки зрения на один и тот же объект, то теперь ситуация переворачивается – имеется одна центральная точка зрения на разные объекты.

Методологическая установка, лежащая в основе онтологического поворота, связывается с идеей методологического взаимоотношения эпистемологического и онтологического, при котором эмпирия активно формирует концептуальные установки и опорные точки формирования и трансформации исследовательских концепций. Иначе говоря, бинарная оппозиция «природа – культура» «переворачивается»: не только «культура» активна (и даже не столько), но и «природа», со своей стороны, оказывает воздействие на «культуру».

Нельзя не сказать в данном контексте о том варианте подобной установки, который был реализован Я. Хинтилкой при построении семантики интенциональной логики и который получил название теоретико-игровой семантики. В ее каркасе установление истинностных значений интерпретируется в виде игры в соответствии с установленными правилами, определяющими возможные «ходы» обоих участников. «Активность» участников различна: если исследователь достигает успеха («победы») в игре, когда он делает соответствующие ходы, то «природа» достигает успеха даже в том случае, когда она не только сама достигает успеха, но и когда препятствует исследователю в этом. Методологические установки связаны с тем, что исследуемый материал или исследовательский инструментарий начинает играть активную роль, а методологическими последствиями является требование формирования вариативных исследовательских методологий и концептуальных схем.

В антропологических исследованиях вряд ли обнаружатся ссылки на «точку зрения наблюдателя» как в физике или на теоретико-игровую семантику как в логике. Наибольшее влияние на них оказали работы Б. Латтура²⁵, утверждавшего, что социология не должна заранее решать, какие из объектов и предметов исследования принадлежат «культуре», и какие – «природе». Напротив, подобные решения будут не предварительными, а возникающими в результате исследования.

²³ Lakoff G. *Women, Fire, and Dangerous Things. What Categories Reveal about the Mind*. Chicago, 1987.

²⁴ Heywood P. The Ontological Turn // *The Cambridge Encyclopedia of Anthropology*. URL: <https://www.anthroencyclopedia.com/entry/ontological-turn> (дата обращения: 27.12.2022).

²⁵ Latour B. *Reassembling the Social. An Introduction to Actor-Network-Theory*. Oxford, 2005; *Idem. Science in Action: How to Follow Scientists and Engineers Through Society*. Harvard, 1987.

Онтологический поворот – это не формирование новой онтологии как области исследования, как новых данных, онтологический поворот – это способ подхода к уже известному, при котором оно открывается по-новому, иными словами, онтологический поворот – это поворот методов, новая методология, которая, в свою очередь, открывая «новое в известном», порождает в определенном смысле новую (правильнее – иную) онтологию, в которой старые «вещи» открываются с новой стороны. Холбраад и М.А. Педерсен полагают, что онтологический поворот в антропологических исследованиях состоит в методологическом тренде. «Поворот к онтологии должен включать участие и развитие традиционного философского проекта метафизического исследования базовых конститuent существования». Речь в онтологическом повороте идет не об улучшении образа мира в его подлинном существовании, а, скорее, о «методологической целесообразности» той или иной онтологической картины. С точки зрения данных авторов подобный подход может быть назван «онтологическим плюрализмом»²⁶.

Заключение

Характеристику явления «поворот» нельзя считать законченной; но некоторые обобщения возможны: «поворот» есть изменение, расширение или появление новых исследовательских методов, новой точки зрения на устоявшуюся предметную область. Результатом является не только раскрытие новых характеристик предмета или проблемы, но и формирование новых предметных областей, которые, в свою очередь, стимулируют формирование новой методологии – так складывается взаимодействие и взаимовлияние методов и проблем. «Поворот» характерен как для отдельной философской традиции, так и для философии в целом – и в этом случае происходит аналогичное движение, как демонстрируют рассмотренные примеры. Существенной чертой феномена поворота является его «переход» из одной предметной области в другую, как это было в случае формирования новых отраслей лингвистического знания под влиянием философских исследований (достаточно редкое, надо заметить, явление) или наоборот, как в случае онтологического поворота.

За пределами рассмотрения остались не менее интересные «повороты»: так, скажем, в случае исторического поворота в аналитической традиции, продиктованного поиском аналитиками способов самоидентификации, результатом становится осознание того, что сама аналитическая традиция является историческим феноменом, а ее история является частью общей истории философии. Иным примером является возможность оригинальной концептуализации историко-философского процесса на базе семиотического подхода – уже имеются немногочисленные, но многообещающие примеры подобных работ.

---

²⁶ Holbraad M., Pedersen M.A. The Ontological Turn. An Anthropological Exposition. P. 31–32.

Metaphilosophy of philosophical “turns”: case study*

Konstantin D. Skripnik

Southern Federal University. 105/42 B. Sadovaya Str., Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation; e-mail: skd53@mail.ru

The purpose of the article is to consider the phenomenon of philosophical “turn” in the framework of descriptive metaphilosophy. Using the example of analytical, linguistic, pragmatic and ontological turns, an attempt is made to highlight the characteristic features of “turns”. The author shows that the analytical turn is associated with the development of methods of philosophy, primarily with the diversification of the concept of analysis itself. Consideration of the linguistic turn leads to the position that its characterization as a change in the subject of philosophy is not quite adequate – in fact, it is a change in the methods of philosophical analysis, which leads to the emergence of new problem areas not only in philosophy, but also in linguistics. The pragmatic turn is characterized by emphasizing the role of pragmatism in overcoming the existing opposition of analytic and continental philosophy through the use of both logical and, for example, axiological methods or the “pragmatic principle”. The ontological turn, characteristic of anthropology, the philosophy of technology, as well as for “general” philosophy, is associated with a change in the methods of analysis in the direction of solving the problem of seeing “things in a new way” and how “they really are”. The analysis in the case of an ontological turn is aimed not so much at “multiculturalism” as at “multi-naturalism”, at taking into account the active role of the subject and building the research models capable of taking this into account. The final position of the author is that according to which a “turn” is a change in research methods that leads to the formation of a new subject area and the formulation of new problems. They, in turn, stimulate the next “turn” and the development of new methods and methodologies.

Keywords: turn in philosophy, analytical turn, linguistic turn, pragmatic turn, ontological turn

For citation: Skripnik, K.D. “Metafilosofiya filosofskikh ‘povorotov’: neskol’ko primerov na odnu temu” [Metaphilosophy of philosophical “turns”: case study], *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 2023, Vol. 16, No. 3, pp. 55–68. (In Russian)

Список литературы / References

- Baghramian, M. & Marchetti, S. *Pragmatism and the European Traditions: Encounters with Analytic Philosophy and Phenomenology Before the Great Divide*. Oxford: Routledge, 2017. 294 pp.
- Beaney, M. “Conceptions of analysis in the early analytic philosophy and phenomenological traditions: some comparisons and relationship”, *The Analytic Turn. Analysis in Early Analytic Philosophy and Phenomenology*, ed. by M. Beaney. New York; London: Routledge, 2007, pp. 196–216.
- Coffa, J.A. *The Semantic Tradition from Kant to Carnap: to Vienna Station*. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. 455 pp.
- Dascal, M. & Françaça, E. “The Pragmatic Turn in psycholinguistics: problems and perspectivity”, *Theoretical Linguistics*, 1988, Vol. 15, Issue 1–2, pp. 1–24.
- Engel, A.K., Friston, K.J. & Kragic, D. (eds.) *The Pragmatic Turn. Towards Action-Oriented Views in Cognitive Science*. Cambridge, MA; London: MIT Press, 2016. 432 pp.

---

* The article was written with the support of the Russian Science Foundation, project No. 23-28-00023 (<http://rscf.ru/project/23-28-00023>), on the basis of the Southern Federal University.

- Grice, H.P. "Reply to Richards", *Philosophical Grounds of Rationality*, ed. by R.E. Grandy and R. Warner. Oxford: Clarendon Press, 1988, pp. 45–106.
- Haack, S. "Five Answers on Pragmatism", *Philosophical Investigations*, 2018, Vol. 12, Issue 24, pp. 1–14.
- Hacker, P.M.S. "The Linguistic Turn in Analytic Philosophy", *The Oxford Handbook of the History of Analytic Philosophy*, ed. by M. Beaney. Oxford: Oxford University Press, 2013, pp. 926–947.
- Hacker, P.M.S. *Wittgenstein's Place in Twentieth Century Analytic Philosophy*. Oxford: Blackwell, 1996. 346 pp.
- Heywood, P. "The Ontological Turn", *The Cambridge Encyclopedia of Anthropology*, ed. by F. Stein, S. Lazar, M. Candea, H. Diemberger, J. Robbins, A. Sanchez & R. Stasch [<https://www.anthroencyclopedia.com/entry/ontological-turn>, accessed on 27.12.2022].
- Holbraad, M. *Truth in motion: the recursive anthropology of Cuban divination*. Chicago: The Chicago University Press, 2012. 344 p.
- Holbraad, M. & Pedersen, M.A. *The Ontological Turn. An Anthropological Exposition*. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. 331 pp.
- Lakoff, G. *Women, Fire, and Dangerous Things. What Categories Reveal about the Mind*. Chicago: The Chicago University Press, 1987. 614 pp.
- Latour, B. *Reassembling the Social. An Introduction to Actor-Network-Theory*. Oxford: Oxford University Press, 2005. 324 pp.
- Latour, B. *Science in Action: How to Follow Scientists and Engineers Through Society*. Harvard: Harvard University Press, 1987. 288 pp.
- Levine, J. "Analysis and abstraction principles in Frege and Russell", *The Analytic Turn. Analysis in Early Analytic Philosophy and Phenomenology*, ed. by M. Beaney. New York; London: Routledge, 2007, pp. 51–74.
- Moore, G.E. "The Nature of Judgement", in: G.E. Moore, *Selected Writings*. London: Routledge, 1993, pp. 1–19.
- Pihlström, S. "Developing a pragmatic philosophy of the Humanities", *Pragmatism Today*, 2021, Vol. 12, Issue 2, pp. 110–120.
- Pihlström, S. "Research Methods and Problems", *The Continuum Companion to Pragmatism*, ed. by S. Pihlström. London; New York: Continuum, 2011, pp. 46–68.
- Ralston, S.J. "The Linguistic-Pragmatic Turn in the History of Philosophy", *Human Affairs*, 2011, Vol. 21, Issue 3, pp. 280–293.
- Rescher, N. *Pragmatism in Philosophical Inquiry. Theoretical Considerations and Case Studies*. München: Springer, 2016. 134 pp.
- Rorty, R.M. (ed.) *The Linguistic Turn: Essays in Philosophical Methods with Two Retrospective Essays*. Chicago: University of Chicago Press, 1967. 407 pp.
- Russell, B. *My Philosophical Development*. London: Simon and Schuster, 1959. 207 pp.
- Sandbothe, M. & Egginton, W. (eds.) *The Pragmatic Turn in Philosophy*. New York: State University of New York Press, 2004. 262 pp.
- Steiner, P. "Pragmatism in Cognitive Science: from the Pragmatic Turn to Deweyan Adverbialism", *Pragmatism Today*, 2017, Vol. 8, Issue 1, pp. 9–27.
- Strathern, M. "No nature; no culture: The Hagen case", *Nature, culture, gender*, ed. by C. MacCormack and M. Strathern. Cambridge: Cambridge University Press, 1980, pp. 174–222.
- Strawson, P.F. *Analysis and Metaphysics. An Introduction to Philosophy*. Oxford: Oxford University Press, 1992. 144 pp.
- Viveiros de Castro, E. "Cosmological deixis and Amerindian perspectivism", *Journal of the Royal Anthropological Institute*, 1998, No. 4, pp. 469–488.
- Wagner, R. *The Invention of Culture*. Chicago: The University of Chicago Press, 1975. 416 pp.